

дворянъ желать свободы крестьянамъ отъ помѣщицѣй власти, значило быть зараженнымъ франкмасонствомъ, вольтеріанствомъ и якобинствомъ. Еще недалеко то время, когда такъ вездѣ говорили, и вѣроятно, теперь еще не мало найдется такихъ, которые, читая наши строки, вспомнятъ свои дѣтскіе годы, вспомнятъ своихъ дѣдушекъ и бабушекъ, которые такъ въ свое время разсуждали и толковали. Теперь уже каждому гимназисту извѣстно, откуда пришла къ намъ въ Русь мысль объ освобожденіи крѣпостныхъ отъ власти дворянства: выводить эту мысль изъ какихъ-то древнерусскихъ началъ, какъ дѣлаютъ славянофилы, все равно, что приписывать открытіе желѣзнодорожныхъ путей вліянію воспоминаній о вѣкѣ Алексѣя Михайловича!

Если сія славянофильствующая книга съ мудренымъ заглавіемъ съ такою непріязнью относится къ нѣмцамъ, то тѣмъ паче съ болѣею нелюбовью относится къ полякамъ. Одно—то, что поляки еще недавніе враги наши, другое—и это, кажется, чуть ли не главное, что мозолить глаза славянофиламъ, обыкновенно правосластвующимъ, это то, что поляки—католики. „Зачѣмъ они остаются католиками, зачѣмъ не уразумѣютъ истиннаго свѣта Христовой вѣры, который сохранился среди всеобщаго омраченія только въ восточной православной церкви, зачѣмъ слушаются своихъ ксендзовъ и лежатъ ницъ распростертыми въ своихъ костелахъ?! Зачѣмъ не уразумѣютъ, что все славяне, по слѣдамъ ихъ первоучителей св. Кирилла и Меодія, должны принадлежать единой церкви и совершать у себя богослуженіе на общемъ для всѣхъ славянъ созданномъ святыми мужами славяно-церковномъ языкѣ! Этого желаемъ мы, русскіе, этого должны желать и все славяне, въ особенности же поляки, связанные съ нами тѣснѣйшими узами исторіи и государственнаго единства въ большей части ихъ племени съ Россією“...

Нѣкто г. Киркоръ, живущій за границею, прежде извѣстный въ русской литературѣ какъ издатель газеты „Новое Время“, нынѣ участвуетъ въ изданіи, предпринятомъ покойнымъ М. О. Вольфомъ—„Живописная Россія“, и пишетъ историко-этнографическія статьи, касающіяся Бѣлоруссіи, его родного края. Г. Киркоръ, какъ полякъ или ополяченный бѣлоруссъ, съ сочувствіемъ относится къ „благодарному“ усвоенію латино-польскихъ началъ въ Бѣлоруссіи. „Онъ,—говорится о немъ въ „Исторіи русскаго самосознанія“,—заботливо выставляетъ все хорошее польское и закрываетъ все дурное, а по отношенію къ Россіи держится противоположнаго правила,—закрываетъ совершенно историческую тягу западной Россіи къ восточной и съ неутомимою заботливостью раскрываетъ русскія жестокости и особенно возстанія противъ Россіи“ (стр. 451—452). Мы также не сочувствуемъ такому направленію г. Киркора, какъ и авторъ упомя-